

Чалмаев, В. [Роман «Момент истины» В. Богомолова] [Текст] / В. Чалмаев // Чалмаев, В. На войне остаться человеком : фронтовые страницы русской прозы 60-90-х годов : в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / В. Чалмаев. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 96-100.

Владимир Осипович Богомолов (род. в 1926 г.), автор таких известнейших произведений о человеке на войне, как рассказ «Иван» (1958), экранизированный Андреем Тарковским (фильм «Иваново детство»), повестей «Сердца моего боль» (1965), «Зося» (1965), создал в 1974 году роман «Момент истины», в котором словно попробовал реализовать, во всяком случае подтвердить давнюю рекомендацию, наблюдение В.Б.Шкловского: «Литература растет краем, вбирая в себя внеэстетический материал». Как правило, эта внеэстетическая действительность входит в литературу через очерк, документ, анекдот как сжатую новеллу.

Найти этот «край», однако, не так легко. Определенная стилевая корка (те же «свистящие», «взрывающие», «секущие» и т.п. пули) или стереотипные словесные обрамления состояний души («тишина... тяжелая, давящая на голову как свинец», «дуновения надежды», «огненный запах несущейся с неба судьбы» и т.п. — в «уставшей» прозе Ю. Бондарева) попросту держат под спудом все живое, непосредственное. «Литературность» начинает мешать литературе. Читатель устает и явно скушает по естественному человеческому голосу, по шершавому языку — нет, не плаката! — документа, по оголенному сюжету биографии, колоритному слову. Как освежает, волнует, например, у Паустовского рязанское слово «свей» (узкий слой речного песка, невеянного, свеянного вдоль берега Оки), встреченное им у Есенина: «И меня по ветряному свею, по тому ль песку!» Как уместно народное слово «репица» (мохнатый хвостовой отросток у животных) в повести К. Воробьева «Убиты под Москвой» в рассказе бойца о танках и бутылках с зажигательной смесью: «Ведь танку в лоб не проймешь... Тут надо ждать, покуда она репицу свою подставит тебе... Мотор там у нее спрятан, вот штука-то!» Через этот же «край», открытый к внеэстетическому материалу, даже к ненормативной лексике, вторгается и событийность, ломающая затасканный сюжет.

Уже первые рассказы Владимира Богомолова — «Иван», «Первая любовь», «Зося» — поражали документальной точностью, свободой от традиционной художественности с ее игрой на полутонах эпитетов и «переодеванием» мысли в метафорические образы. Мальчик — разведчик Иван, ребенок по возрасту и взрослый человек по опыту ненависти и ощущению мира; девятнадцатилетний командир роты, взявший высоту и потерявший любимую, готовый возненавидеть солнце; оно было сигналом к атаке, свидетелем жесточайшей утраты!

Какая система образов выдержит эту концентрацию ощущений, конфликтов, накал любви и ненависти?

В романе «Момент истины» жесткая, без эмоций, интонация становится не просто жесткой, но бестрепетной, чуждой всяким наслоениям «художественности». Уже с первой строки — предельно деловитой, суховатой, подчеркнуто-документальной — читатель попадает в мир особой структуры повествования, в мир романа, демонстративно отказавшегося от традиционной поэтики.

Их было трое, тех, кто официально, в документах именовались "оперативно-розыскной группой" Управления контрразведки фронта. В их распоряжении была машина, потрепанная, выдавшая виды полупорка ГАЗ-АА, и шофер — сержант Хижняк. Измученные шестью сутками интенсивных, но безуспешных поисков, они уже затемно вернулись в Управление, уверенные, что хоть завтрашний день смогут отоспаться и отдохнуть. Однако, как только старший группы, капитан Алехин, доложил о прибытии, им было приказано немедленно отправиться в район Шиловичей и продолжать розыск.

Часа два спустя, заправив машину бензином и получив во время ужина энергичный инструктаж специально вызванного офицера-минера, они выехали.

Это все — «доложил», «интенсивно», «в их распоряжении» — не просто случайный лаконизм повествования. Только фамилии героев — Алехин, Таманцев, Блинов; только их звания и почти протокольное изложение общих примет возраста, свойств характера. В духе «словесных портретов» на разыскиваемых, которые проносятся в их памяти при проверке и задержании подозреваемых! О полупорке сказано даже чуть больше, чем о шофере Хижняке.

Очень скоро выясняется, что и этот протокольный стиль словно бы смягчает жестокий, беспощадный свет самой действительности, делает ее не столь суровой. И о времени — августе 1944 года, освобожденной Белоруссии — и о пространстве — той же белорусской земле, пепелищах на месте сел, обочинах дорог, забитых трупами и остовами машин, — Богомоллов вообще говорит, как бы отстраняясь, представляя слово документу. Где там искать эпитеты, сравнения, даже самые талантливые, если жизнь говорит о себе с суда более жестоким и ощутимым «талантом»!

В роман вошли слова: «чистильщик», «тянуть пустышку», «огневой контакт», «качания маятника», «волкодавы», «скорохват», «качать на косвенных», «теракт», наконец, «момент истины», в его очень конкретном, рискованном, прагматическом смысле. Эти жаргонные словосочетания — результат неслыханного давления на язык, на жизнеощущения работы розыскников военной контрразведки: какие метафоры или эпитеты выдержат это давление, не «сломаются»?

Традиционный смысл понятия явно «коробится», собирая

своеобразное детективное напряжение ситуаций, возникают новые смысловые связи, понятийные образования. «Качать на косвенных» — это означало одно: не имея уверенности, прямых доказательств, размывать оборону преступника, систему умолчаний, лживой биографии («легенды»).

Итак, розыск неизвестной разведгруппы врага «Неман». Опаснейшие «прогулки» того же Павла Алехина, Евгения Таманцева, по кличке «Скорохват», новичка-стажера Андрея Блинова (он же «Малыш») через лесные массивы, деревушки и хутора, трудные беседы с угрюмоватыми жителями этих «весок», перевидавшими все виды насилия, жестокости, коварства. Эти леса, с торчащими по всюду усиками мин, с трупами немцев, полицаев всех мастей, с развалинами хат, вдруг «оживающих» в треске пулеметной пальбы, писатель воссоздает с предельной достоверностью. Война — гигантский огненный вал, свинцовый вихрь — прошла здесь много раз разбросала чадящие головешки вокруг, изломала множество судеб. Перед взором богомолческих героев — да еще с их обостренной наблюдательностью! — проносится столько картин жестокости мук, человеческих падений и страданий, что становится понятной «информационность», почти автоматизм жизнеощущений героев телеграфность их языка.

Алехин, просматривая в связи с розыском следственные дела старост, полицаев и тому подобного отребья, почти не имеет времени остановиться на чем-либо. Вопрос — ответ... Все стереотипно

Каратели, убийцы, мародеры, — но какое отношение они могли иметь к разыскиваемой нами рации и вообще к шпионажу? Зачем они нам? Зачем я трачу на них время?

А вдруг?

Это "а вдруг?" всегда подбадривает при поисках, порождает надежду и энергию.

Но не только это. Писатель постепенно, сохраняя все ту же жесткую, избавленную от эмоций, лиризма интонацию, показывает, что война не выжгла в героях человечность. Об этом свидетельствует многое.

Павел Алехин, бывший агроном, самый немногословный в группе, — это неожиданный вариант осмотрительного крестьянского характера, вносящего даже в смертельно опасную работу розыскников какую-то степенность, деловитость, спокойствие. Проверять документы у врага, вооруженного пистолетом с отравленными пулями, прикидываясь простачком-служакой, не выдав волнения? «Это же сам Мищенко, шпион, которого ловят двадцать лет!» — для этого сеанса опасной игры нужно не малое самообладание. Эта природная простота и устойчивость Алехина как раз и усилила достоверность его

маски простака, победила изощренную осторожность и хитрость врага. Даже спровоцировав врага на выявление своей сути, почти теряя сознание (ему разбили голову), Алехин не забывает о том, что он старший, что «момент истины» — конечная цель поиска — должен быть достигнут. Ни торжествующие крики Таманцева: «Вот она!!! Телефункен!», ни окончательное установление убийства легендарного Мищенко, ни боль не могут отвлечь его от главной цели.

— Товарищ капитан, давайте перевяжу!

— Успеется! — строго сказал Алехин. — Не отвлекайся!

Он держался напряжением всех сил и был убежден, что, как только его начнут перевязывать или если даже просто отнять намочивший тампон от раны и польется кровь, — в любом случае он сейчас же потеряет сознание. А до получения «момента истины», до осмысления и принятия им как старшим группы соответствующего решения он просто не имел права потерять сознание.

И вновь — документы, шифровки, сцена у Верховного Главнокомандующего, сурово принявшего к сведению обещание руководителя контрразведки (как и двух наркомов) в одни сутки ликвидировать все ту же разведгруппу, что искали «трое». Роман Богомолова обнаруживает эпическую широту замысла, его документализм оказывается шире и чистой информативности, и насыщенной «художественности».

Роман разбит на особые главы с новыми точками зрения на события. Они чаще всего называются так: «Алехин», «Все же поставил точку», «Алехин и Поляков», «Таманцев», «Гвардии лейтенант Блинов», «Алехин, Егоров и другие», «Помощник коменданта». В них вложено много жизнеощущений определенных героев, порой вовсе не относящихся к операции поимки врагов. Так, Игорь Аникушин, помощник коменданта, только утром примеривший сшитый портным костюм, с раздражением думает о всей проверке, о своей «миссии», ожидая вечера, застолья и объяснения с Леночкой... А один из главных героев, Павел Алехин? И он «сжат» документом, «сдавлен» сюжетом, который двигают очередная шифрограмма или записка по ВЧ, но вовсе не поглощен ими. Он то и дело, как заметил критик И. Дедков, «выходит из документа в описания», в самодвижения воспоминаний, оценок. Оба плана — документальный и психологический — в романе взаимовлияют, взаимообогащают друг друга.

Роман Богомолова с его предельно деловитым стилем, «отжатым» от эмоций, с внедрением документов, усиливающих информационное богатство прозы, заставляет вновь вернуться к проблеме воздействия НТР на реализм современной прозы. Документ — это слиток действительности, не искрошенный, не измельченный усилиями творческой мысли художника, не находящийся к тому же целиком в «повиновении» у этой мысли, тем более у чувства.